

О поэзии Сергея Поделкова

К 70-летию со дня рождения

УЖЕ в ранних стихах поэта ясно обозначилось его тяготение к плотности строки, к резкости и отчетливости поэтического символа в слитном лирическом повествовании. «Поле жизни — поле боя, перепаханное поле, звон колосьев, зыбкость зноя, человеческая доля...» Эти стихи были написаны двадцатилетним поэтом. В них есть какая-то угловатость, порывистость, напряжение и предчувствие «тревожной страды», выпавшей на долю его поколения.

— Какие книги вы читаете? — спросил Максим Горький, когда ему однажды представили Сергея Поделкова.

— Словарь Даля, — ответил молодой поэт.

— Это хорошо, — сказал Горький. — А еще что вы читаете?

— Песни, собранные Киреевским...

— Очень хорошо, — одобрил Горький. И заговорил об опасности стилизации в искусстве.

В ранних стихах Сергея Поделкова есть строки, отмеченные тонкой стилизацией народной песни: «У ворот сосна зеленая, зеленая, зеленая, зеленая...» Может быть, именно поэтому ему запомнилось предостережение Горького. Слова были сказаны в то время. Но стилизация опасна главным образом для «книжных мальчиков» и «записных литераторов». Само время потребовало от поэзии первозданности, а от поэта — участия в народной жизни. И через много лет, уже будучи известным поэтом, признанным мастером, Сергей Поделков написал стихотворение, которое читается как отклик на ту раннюю беседу с Максимом Горьким: «Как лес листва, на солнце и во мгле, листья коплю, мысль роется в столетие... Чем глубже корни дерева в земле, тем выше ствол, раскидистее ветви». Поэтический опыт Сергея Поделкова был почерпнут на поле жизни, а не в книгах, как бы хороши они ни были сами по себе.

Поэт родился в 1912 году в Калужской губернии. Но уже в детские годы повидал Киев и Москву, жил вместе со своей семьей в Сибири. Юность совпала с индустриальной эпохой, и он работал на одной из московских фабрик. Векания времени не миновали его. Равная близость души к Москве и к Сибири, к Европе и Азии сблизила его в молодые годы с замечательным поэтом Павлом Васильевым. Из русских поэтов прошлого ближе всех оказался Держвин. Его влияние ощутили в поисках монументального стиля, в риторичности оборотов, в бронзовом звоне строки «Здесь мрамор нежится нагой, изгибы сна и впрямь живые, и ноздри мрамора парные просвечиваются за ней»...

Традиции русской торжественной оды Сергей Поделков ощущает как свое достояние. Иначе он не мог бы написать: «Исполнен камень красноречья, Эвен бронзы зреньем ощутил». «Зримые звуки» и «звучащий камень» — эти парадоксы в духе классической оды. В лирику Сергея Поделкова естественно и неотвратимо входят архаические слова и ритмы, неотделимые от испытанной веками, глубокой по своему значению традиции русской гражданственной поэзии.

Во время Великой Отечественной войны, когда поле жизни стало полем боя уже не в метафорическом, а в прямом историческом и современном смысле, поэт был солдатом, и под его стихами появились почти летописные подписи: «1942. Под Ржевом», «1943. Сураж Витебский», «1944. 1-й Прибалтийский фронт», «1945. Восточная Пруссия...». «На сотни верст легла здесь горизонт, пульсируя над полем, над водой, черта огня изломанного фронта, неугасимый движущийся бой...» Память войны продиктовала поэту и его «Героический триптих» — поэму,

которая была как бы предсказана его фронтовыми стихами: «Есть в памяти мгновения войны, что молниями светятся...». Поэма посвящена Юрию Смирнову, его жизни и его гибели. И перед нами возникает легендарный облик комсомольца 40-х годов, героя Великой Отечественной войны.

«Судьба подобна теореме — на поле жизни докажи...» Судьба складывается не из слов, а из событий века и собственных поступков. То, что доказано на поле жизни, становится вместе с тем и единственным оправданием поэта, его возвращением к самому себе. «Я возвратился к

ЖУРАВЛИНАЯ КЛИНОПИСЬ

самому себе, и чудится: крыльцо с навесом низким, и дым отчества в печной грубе блаженно пахнет хлебом материнским... И я стою, своим глазам не верю — я возвратился к самому себе». Возвращение к самому себе равнозначно слиянию с народной судьбой.

Сергей Поделков пишет историческую поэму «Пушкар» из времен Петра Первого чеканным пятистопным ямбом. Он создает романтическую восточную «Киргизскую балладу», далеко еще недооцененный опыт безрифменного анапеста в жанре поэмы. Что касается поэмы «Власть сердца», то она написана свободным стихом, который по своим истокам восходит в русской поэзии едва ли не к самому «Слову о полку Игореве»...

Поэтический мир Сергея Поделкова полон исторического движения. Одно из наиболее полных собраний своих стихотворений он назвал «Тревожная страда». Его поэзия не только отражает текущий день, но и стремится опередить события, угадать, предвосхитить нечто существующее и важное, что таится в грядущем. «Учись опережать события хоть на пол-локтя, хоть на пядь...» Поэт несуетен в стихах: его движения неторопливы, а взгляд пронизителен. «Дорога выется через поле жизни. Иду и радуюсь. Гляжу вперед. То луч сквозит тень, то дождь сквозит солнце брызнет, то треснет лед, то черемшой пахнет». Это — пещерное хождение, древнее, как мир. А между тем «экран межзвездного радара рассматривает человек». Поэтому не только пространство, но и время «то расширяется до бездны, то суживается до зрачка». «Сферические ладони» обсерватории раскрыты для того, чтобы «дать выход истине надземной, услышать отзыв из вселенной».

И здесь, на гребне современных идей о времени и пространстве, мысль снова обращается к истории, возвращается к родной земле: «Шел крестный ход, скрипел обоз, казачий сотни бился цокот конский... А рядом, где татарник рос, жил, достигая мыслью звезд, на пустыре державы Циолковский».

Это прикосновение к истории дает ощущение судьбы. Прекрасен телескоп в ночной обсерватории («Ночь в обсерватории»), но не менее прекрасен белый крик, который «на сырую землю пал» («Белый крик»). В лирике Сергея Поделкова, как это всегда бывает в стихах настоящего поэта, есть внутренняя, органичная связь идей и картин.

«Сейсмограф сердца чуется гул земной», — пишет Поделков. Эта мысль разворачивается в целую систему событий и признаков, составляющих поэтический сюжет его «тревожной страды». К числу лучших его произведений

относится маленькая лирическая поэма «Город любви», трагическая история гибели целого города — за три мгновения. «Три секунды земля содрогалась, три мгновения длилось землетрясение. Три! — и города любви не стало». Это был именно «город любви» — «невидимый посторонним». «Праздничный, с улыбающейся душой, я круглосуточно строил свой город в мыслях, свой город любви, невидимый посторонним». И вот почему вздрогнул «сейсмограф сердца».

Здесь речь идет о любви, о ее вечном противостоянии смерти и разрушению. Так, ручей, свернув с указанной ему природой дороги, не доходит до моря, а теряется в песках. Он слишком надеялся на «собственную силу», а его пиала не глубь земли, а чужая высота, и он «кидался вкось... и обрывался с кручи». Воображение поэта реалистично по своей природе. Там, где «заглох» ручей, — пустыня: «пески, пески. Солончаки. Безлюдье». Подобно тому, как может погибнуть «город любви», как может исчезнуть быстрый ручей, может умереть степь: «Однажды степь умерла. Погасли цветы и бежали звери. Над чертовым пространством серая мгла...». Стихи о невозвратимых потерях наполнены в книгах Сергея Поделкова острым нравственным содержанием. И вот почему с такой трагической силой звучит вопрос поэта: «Куда все это девалось?» Он не пишет аллегорий, он исследует внутреннюю природу своего лирического сюжета, в центре которого всегда остается «власть сердца», великая сила любви.

Какая, казалось бы, связь между такими стихами, как «Город любви», «Ручей», «Однажды степь умерла», и «Телефонным разговором»? А эта внутренняя связь придает им черты лирического единства. «Телефонный разговор» — это маленькая поэма о прозорливой, предчувствующей, оберегающей любви. Оберегающей «город» от разрушения, «степь» от гибели... «Дом на взгорке крутом Хищный март за окном» Это пейзаж одиночества. Ни слова еще не было сказано, только молчаливое отчаяние подкралось к сердцу, когда раздался телефонный звонок.

«Что случилось? Что случилось с тобою минушею ночью?». «В треске междугородных помех вдалеке я дышанье ее различаю...» В этом стихотворении есть драматургические черты. Оно построено как диалог. Сейсмограф сердца не обманывает, он безошибочно чувствует беду. И звучит издали встревоженный голос: «Я люблю тебя, слышишь? Люблю! Я сейчас выезжаю».

У Сергея Поделкова есть еще одна своя оригинальная тема в поэзии. «Я делаю гербы», — написал он в одном из писем к автору этих строк. «Гербы»

Сергея Поделкова — нечто совершенно новое в жанре современной философской лирики. Эта работа требует большой любви и совершенного знания истории, воплощенной в символике старинных русских городов. В «Гербах» нашла свое естественное приращение склонность Сергея Поделкова к чеканке, гравюре, шлифовке алмазных граней стиха. И, по существу, размышления над историческими эмблемами сливаются с общей системой поэзии Сергея Поделкова, потому что каждый герб — это тоже «поле жизни» в наиболее полном и отчетливом ее изображении.

На гербе города Смоленска он видит «черную пушку, золотые ободья колес», «а на пушке живая райская птица — из лучей изогнутый хвост». Сколько исторических картин возникает в нашей памяти при слове Смоленск!.. И как удивительно оживают условные знаки на гербе этого героического города в свете истории! На гербе Перемышля калужского «река течет между двумя снопами, снопами ржи, свой синий след стелет через поля и через нашу память, через ее магнитные поля...». На гербе города Костромы «стрежень Волги в лазоревом свете» и «ярый, борзый варяжский корабль» — «золотососенная обшивка, золотая на парусе рябь». Гербы — это и в самом деле магнитные поля народной памяти!

Стихи Сергея Поделкова читаются как иллюстрированная хрестоматия истории, которая служит многим из нас упреком в нашем невнимании к настоящему и прошлому. Но она служит и надежным подспорьем к размышлениям о «перепаханном поле жизни». Свою задачу поэт выполнил вовсе не в том, чтобы переписать стихами гербы русских городов. У него была другая цель. В гербах поэт находит крупные и живые черты народного, национального характера, созданного великими испытаниями веков.

В гербах и сама природа становится эмблемой истории. И не удивительно, что мысль поэта обращается к насущным размышлениям о мире. «Знать, потому и дорог Томский конь, легко, свободно скачущий в эмблеме. Серебряный — на зелени — огонь, куда он скачет? В будущее время...»

За многие годы труда Сергей Поделков создал свой поэтический мир. И хотя его мысль погружается в глубину жизни, взор его, взгляд обращен в вышину:

Журавлиная клинопись

в небе

Возвращает мне время мое...

Эти журавли, пролетающие над полем жизни поэта, в «радостном пространстве бытия», возвещают новую весну, когда вновь «врывается в сердце ветер надежды...». И если есть в поэзии свои гербы, то «журавлиная клинопись в небе» может быть истинной эмблемой поэзии Сергея Поделкова.

Эдуард БАБАЕВ